

Помнишь, мы же договорились,
Когда еще не родились,
Что встретимся так.
Ты в железной машине,
Поперек сплошных линий,
Разобьешь мое сердце о перила
моста...

Znaki «Стрелки»

До отправления электрички оставалось еще полчаса, и я зашла в книжный магазин на первом этаже вокзала. Магазин довольно большой, прямо напротив входа на специальном столе с табличкой «Новинки» выложены книги, вышедшие на днях. Та, что нужна была мне, стояла на солидной стопке таких же книг. Скромная темно-синяя обложка, крупными буквами название «Жизнь», и ниже, чуть мельче: «Дневник женщины».

Я подошла, взяла в руки увесистый том. Только начала листать, как рядом оказалась продавец, женщина лет пятидесяти, короткая стрижка, внимательный взгляд.

— Это второй том, — кивнула она на книгу в моих руках. — Первый вышел почти год назад.

— Да, я знаю, — ответила я.

— Невероятно, правда? — приглядываясь ко мне, продолжила женщина.

— Что? — увлекшись своими мыслями, спросила я с некоторой заминкой. — Вы имеете в виду ее популярность?

— И это тоже. Человек день за днем рассказывает о своей жизни, о каких-то на первый

взгляд незначительных событиях, а в результате перед нами целая эпоха. Удивительно, как ей это удалось? Обычной женщине с заурядной жизнью...

— Ну, жизнь в прошлом веке была чрезвычайно насыщена событиями, — усмехнулась я.

— Да, но ведь она пишет о себе, о соседях, о жизни в небольшом селе... казалось бы, кому это может быть интересно?

— Люди любят подглядывать в замочную скважину, — вновь усмехнулась я.

— Думаете, поэтому? Обычное любопытство, что там у соседей? А по мне, эта книга просто завораживает...

— Меня-то уж точно, — ответила я и, кивнув женщине, направилась к кассе. — Как расходуется второй том? — спросила я девушку-кассира.

— Отлично, — сказала она. — Вы знаете, что весной выйдет третья книга?

— Да, читала в интернете.

Расплатившись, я сунула книгу под мышку, отказавшись от предложенного пакета, и пошла к перрону.

Электричка уже стояла на седьмом пути. Дорога до нужной мне станции займет полчаса, первая остановка на маршруте. У нее даже названия не было, станция I, именно так обозначали ее на карте. То же самое было написано на будке стрелочника рядом с платформой. За последние тридцать лет в этом смысле ничего не изменилось.

Мое место было возле окна, вагон быстро заполняли пассажиры, вечер пятницы, после

трудо­вой не­де­ли на­род воз­вра­ща­ет­ся из го­ро­да до­мой, в рай­он­ные го­ро­да и по­се­л­ки, их на мар­шру­те два де­ся­тка.

Я привычно окинула взглядом пассажиров в поисках знакомых. Никого. Значит, кое-какие изменения все же произошли, раньше на нашей станции выходило немало народу, особенно вечером в пятницу. В те уже далекие времена до села проще всего было добраться электричкой. Автомобильная дорога была, но такая скверная, что ею без острой нужды предпочитали не пользоваться. От станции I еще два километра мне предстояло идти пешком. Два километра по здешним меркам — пустяк, но теперь, должно быть, иначе. Может, дорогу привели в порядок?

Еще раз окинув взглядом попутчиков и не обнаружив знакомых лиц, я принялась листать только что купленную книгу. Девушка, сидящая рядом, снисходительно улыбаясь, заметила:

— От этой книги все с ума посходили.

— У меня личный интерес, — ответила я.

— В каком смысле?

— Марта, что писала эти дневники, близкая подруга моей бабки.

— Да вы что? — помолчав немного, сказала девушка. — Серьезно?

— Еще как.

— И здесь рассказывается о вашей бабушке?

— Не только. Здесь, по сути, вся история нашего семейства.

— Здорово. Наверное, очень интересно читать об этом.

Я пожала плечами, подумав с усмешкой: «Интересно — не совсем подходящее слово».

Девушка продолжила говорить, а я время от времени кивала, держа на коленях книгу, открытую на пятой странице. Первая запись в дневнике начиналась так: «Сегодня рано утром пришла Агнес». Агнес — имя моей бабки. Прочитав предыдущую книгу дневников Марты, помнится, я задалась вопросом: о ком она? О жизни Марты или все-таки о моей бабке? В самом деле, ответить на этот вопрос совсем не просто, уж очень крепко переплелись их судьбы. Одна немыслима без другой, женская дружба длиной в шестьдесят лет.

— Извините, мне выходить, — прервала я монолог соседки, услышав объявление по громкой связи, убрала книгу в сумку и направилась к выходу.

Вслед за мной шла девушка лет двадцати с небольшим. Пока электричка тормозила, мы стояли в тамбуре напротив друг друга. Девушка не обращала на меня внимания, а я пыталась обнаружить в ее лице знакомые черты. Чья-то родственница, которую я видела еще ребенком? Чужие дети растут быстро. Проще было спросить, к кому она едет, но делать этого я не стала.

Девушка хмурилась, нервно поглядывая в окно. Вряд ли ее порадует мое любопытство. К тому же далеко не всех жителей села я знаю. Времена все-таки изменились.

На перрон мы вышли вдвоем. Девушка достала мобильный, шагая чуть впереди меня. Свет из будки стрелочника навевал мысли о долгих странствиях и домашнем уюте. На руке девушки поблескивали золотые часы, на которые я невольно обратила внимание: браслет на пру-

жинах, такие были в моде лет пятьдесят назад. Странно вдруг их увидеть, у моей бабки были такие же, лежали в шкатулке в секретере, что стоял в спальне. Интересно, они все еще там?

— Мама, я на станции, — заговорила девушка, споткнулась и сердито выругалась. — Конечно, пойду, — продолжила она разговор с матерью. — А как еще отсюда добратся? Даже такси нет... Конечно, надо было, но я опоздала. Всего на десять минут. Ладно, пока, доберусь как-нибудь.

Она спустилась с перрона, в этом месте начиналась тропинка, а я свернула к будке стрелочника. Сейчас здесь было что-то вроде мини-вокзала, где имелся даже буфет и, конечно, касса, за которой сидел Константин Егорович. Совершенно седой, в очках с такими линзами, что они больше напоминали лупу. На стойке буфета напротив табличка с надписью «Закррито».

Помнится, жил Константин Егорович на соседней станции, куда добирался с дорожными рабочими. Он поднял голову от газеты, услышав, как скрипнула дверь, я подошла ближе и увидела название газеты — «Гудок». За последние тридцать лет его пристрастия не изменились.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Анна, — улыбнулся он. — Вот так сюрприз. Значит, снова в наших краях? Надолго?

— Думаю, что насовсем.

— Да ты что? А как же Америка?

В Америке я, к слову сказать, никогда не жила.

— В Америке без меня обойдутся.

- Ага. А здесь, значит, нет? — засмеялся он.
- Похоже, что я не обойдусь.
- Выходит, сюда потянуло, — кивнул он. —

К корням?

— Наверное. А может, просто тишины захотелось.

— Этого здесь сколько угодно. Чаю хочешь? Я Любу отпустил пораньше, но тебя чаем с удовольствием напою. Или кофе, по-городскому?

— Спасибо. Беспокоиться не стоит, домой тороплюсь, пока совсем не стемнело.

— Что ж, значит, в другой раз почаевничаем. Велосипед в кладовке стоит. Держи ключ. — Он протянул мне ключ, достав его из ящика стола. — Шины подкачал, тормоза в порядке.

— Спасибо, — сказала я.

Кладовкой он называл узкую комнату, в которую можно было попасть с крыльца. Выкатив велосипед, я прислонила его к стене дома и вернулась к Константину Егоровичу вернуть ключ.

— Удачи, — сказал он на прощанье, и я кивнула в ответ. Спустилась к тропе, повесила сумку через плечо, рюкзак пристроила на багажнике и покатила по тропинке, мысленно усмехаясь вдруг нахлынувшей радости. Чувство такое, что мне снова шестнадцать.

— Размечталась, — буркнула я.

Моему сыну уже на два года больше, но это моей радости отнюдь не уменьшило. Метров через пятьсот была развилка, едва заметная. Дорога уходила влево. Прямо по утоптанной тропе, которую хорошо было видно даже в темноте, я приехала бы в село, ответвление влево вело на хутор к дому бабки. Теперь этой тропкой почти

не пользовались, но я могла бы проехать здесь и с закрытыми глазами, а делать крюк, направляясь сначала к селу, а оттуда уже на хутор, не хотелось.

Сворачивая, я бросила взгляд на тропу, что теперь осталась справа. Где-то впереди мелькнул светлый плащ девушки, или мне только показалось? Но эта мысль недолго занимала меня. Я крутила педали, ожидая того момента, когда лес кончится и я окажусь на открытом пространстве вершины холма, а чуть ниже появится крыша бабкиного дома.

От ручья поднимался туман, и в рано наступившей темноте дом с холма я не увидела, только угадывала его присутствие, но все равно замерла ненадолго и сказала громко:

— Ну, здравствуй!

Теперь тропа шла вдоль ручья. Говорят, еще лет семьдесят назад это была настоящая река, по ней даже баржи ходили. Во времена моего детства здесь еще можно было купаться. Дальше за поворотом большой омут. Если верить злым языкам, там мой прадед утопил свою жену, мою прабабку, чтобы жениться на богатой вдовушке. Правда, от Агнес я слышала другую версию. Когда-то здесь была мельница, принадлежавшая прадеду, которого в здешних краях до сих пор звали Старым мельником, хотя этот свет он покинул давным-давно; так вот, прабабка помогала ему в работе и случайно упала с высокого настила в воду. Плавать она не умела и камнем пошла ко дну. Мельник ее вытащил, но спасти не сумел.

Как бы то ни было, но на богатой вдовушке он женился, не прошло и полугода. А мой дед —

который в местном фольклоре фигурировал как Молодой мельник — был уверен, что мать погибла не случайно, и затаил на отца лютую обиду.

Купаться здесь боялись, потому что не раз по ночам видели утопшую мельничиху, почему-то с веревкой на шее. Она заманивала простаков на самую глубину и безжалостно с ними расправлялась. Счет жертв шел на десятки, но ни одного конкретного имени не называлось. Так что в расчет эту часть эпоса я всерьез не принимала. Хотя Марта как-то рассказывала, что к ней прибежала соседка, бледная до синевы, и, заикаясь, твердила, будто видела рядом с омутом старую мельничиху. Та ухмылялась и звала ее за собой, между делом сообщив о неисчислимых бедствиях, которые вот-вот обрушатся на здешние края. Было это в августе тридцать девятого года, всего за несколько дней до начала Второй мировой.

В тишине я слышала журчание воды, течение здесь всегда было сильным. В этот момент впереди что-то мелькнуло, сгусток темноты на фоне ночного неба. Я невольно насторожилась, пока еще не догадываясь, что это может быть. И тут же пришел не страх, а скорее, беспокойство, потому что на тропе, вне всякого сомнения, стоял человек. Судя по всему, мужчина. Я уже подумывала, а не повернуть ли назад, но для начала крикнула:

— Эй! Кто здесь?

В ответ что-то быстро и неразборчиво залепетали, а я с облегчением вздохнула. Юрис, местный дурачок. Парню было уже лет тридцать, говорил он плохо, лет с шести болтался по округе, его мать, вечно занятая работой, была

уверена: Юриса здесь все знают и ни у кого рука не поднимется обидеть беднягу.

— Юрис, — позвала я, и он заковылял мне навстречу.

Ходил он сильно раскачиваясь, перегнувшись вперед. Вообще-то звали его Павлом, но слово «Юрис» он повторял особенно часто, поэтому уже много лет иначе его никто не называл.

— Ты чего здесь бродишь? — спросила я, не рассчитывая, что он меня узнает. — Напугал.

Юрис разулыбался, дотронулся до моей руки и радостно загалкал.

— Я — Анна, — сказала я. — С хутора.

Он кивнул, однако вовсе не факт, что понял, о чем я.

— Идем, — позвала я и поехала дальше, стараясь двигаться помедленнее.

Юрис бежал за мной, размахивая руками. Однако очень скоро топот ног за спиной стих, я повернулась, чтобы узнать, что там с парнем, но на тропе никого не обнаружила.

— Юрис! — позвала громко. Тишина.

Ни шагов, ни иных звуков, ничего, что бы говорило о его присутствии неподалеку.

— Куда ж ты подевался? — пробормотала я.

Парень наверняка знает округу даже лучше, чем я. Хотя странно, что мать отпускает его в такое время. Впрочем, сейчас только половина десятого. Я позвала Юриса еще несколько раз, взглядываясь в темноту, и поехала к хутору.

Оставалось лишь подняться на небольшой пригорок, и вскоре впереди возникла темная громада дома. Возле ворот я затормозила, открыла калитку, придерживая велосипед рукой.

Поднявшись на крыльцо, долго возилась с ключами и наконец вошла в просторные сени. Нащупала выключатель, раздался щелчок, но света не было. После смерти Стаса электричество на всякий случай отключили.

Вспомнив, что в мобильном есть фонарик, я отправилась к электрощитку, здесь же, в сенях, и через минуту свет вспыхнул, заставив меня на мгновение зажмуриться.

Я не торопясь огляделась, как будто видела все в первый раз. Полы в сенях земляные, теперь они скорее напоминали цемент. Дом построен полтора века назад, знающие люди утверждали, что он простоит еще столько же. Выходит, раньше действительно строили на века. Полы застелены полосатыми половиками. Вряд ли интерьер здесь особенно изменился за последние сто лет. Большой сундук слева, где когда-то хранили продукты, рядом шкаф и длинная скамья. Пока в дом не провели воду от колодца, что во дворе, здесь стояли ведра. Я это еще помню.

Я подошла к дубовым двустворчатым дверям. Они тоже оказались заперты. Я вновь принялась возиться с ключами.

Стаса нашли сидящим за столом в кухне. Когда он не явился на укол, фельдшер забеспокоилась и позвонила ему (от мобильного Стас отказался, но домашний телефон был здесь с давних пор). На звонок Стас не ответил, и фельдшер сообщила об этом участковому. Преимущество жизни в таких местах, как это: без внимания тебя не оставят. Через пятнадцать минут участковый входил в дом. Стас к тому моменту был мертв уже несколько часов.

— Грех жаловаться, — на похоронах сказала все та же фельдшерица. — Жизнь прожил долгую, правильную, хоть, может, и не легкую, а такая смерть людям в награду дается. Раз — и все. Даже испугаться не успел.

Надеюсь, так оно и было. Большой овальный стол красного дерева застелен вязаной скатертью. Поверх нее положено стекло, единственное новшество, на которое согласился Стас. Через день менять скатерть, кипятить ее да крахмалить вряд ли под силу одинокому мужику. На стульях чехлы из отбеленного льна. Огромный буфет, в котором выставлена посуда, три сервиза: кофейный, чайный и столовый. Все одной фирмы, с вензелем: буква «А» готическим шрифтом с завитушками. Комод с тарелками и столовыми приборами, диван с деревянной спинкой. Все добротное, красного дерева. Бабкино приданое. Точно так же, как сервизы и столовое серебро.

Я прошла, отодвинула стул и немного посидела, вслушиваясь в тишину. В доме было холодно. Включив электрочайник (мой подарок Стасу на день рождения), я отправилась во двор. Набрала дров в большую корзину и вернулась в дом. Пока чай заваривался, затопила печь в передней, решив, что с отоплением разберусь завтра, а сегодня переночую здесь, возле печки, выложенной белыми изразцами и занимающей весь угол. Около печки тут же стало тепло и уютно, и я предпочла пить чай за бабкиным столиком для шитья, покрытым кружевной салфеткой, сидя в ее любимом кресле, которое раньше казалось мне несуразно большим и уродливым. В детстве я вообража-